

ТОЛСТОВСКИЕ ДНИ 1960 ГОДА В МОСКВЕ

I. ГОЛОСА ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСТЕЙ

1

РЕЧИ НА НАУЧНОЙ СЕССИИ ОТДЕЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА АН СССР И ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО АН СССР, 14—15 ноября 1960 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А. ВИКСТЕНА, Я. ДРДА, Г. КАРАСЛАВОВА, А. КЕТТЛА,
К. КРИПАЛАНИ, Э. ЛО ГАТТО, НАКАМУРА ХАКУЭ, М. САВОЛЬЧИ,
Ч. П. СНОУ, В. ХЕРЦФЕЛЬДЕ, Ш. С. ЧАУХАНА и Ч. ЧИМИДА

АРНОЛЬД КЕТТЛ

Английский критик и литературовед,
автор известной биографии К. Маркса (р. 1916)

Присутствовать на торжественных заседаниях, посвященных пятидесятилетию со дня смерти Толстого, — большая честь, и мне хочется выразить благодарность тем, кто меня сюда пригласил. Я знаю, что выражу мнение десятков тысяч поклонников Толстого в Англии, если скажу, что нет другого писателя, отношение к которому в столь равной мере складывалось бы из восхищения и любви; это Шекспир среди романистов.

Мы, англичане, гордимся тем, что именно в нашей стране в XVIII веке получил свое развитие роман — эпический литературный жанр нового времени. Дефо, Ричардсон и Филдинг расширили рамки романа, углубили его человечность, а увенчал их достижения Диккенс, величайший гений в области английского романа, чье творчество народно в самом полном смысле этого слова, потому что он писал не с позиций правящей кучки, а с позиций народных масс. «Моя вера в людей, которые правят, ничтожна, — сказал Диккенс в конце своей жизни. — Моя вера в народ, которым правят, безгранична».

Но после Диккенса английские романисты почти не развивали этой великой народной традиции. Дальнейшее развитие реалистической традиции в романе мы находим в русской литературе, и в первую очередь в творчестве Толстого. Почему это так? Прежде всего, думается, потому, что в Англии после краха чартизма в 1848 году не возникло ни одного большого народно-демократического движения, которое отражало бы чаяния народных масс и к которому мог бы полностью присоединиться

большой художник. Английские романисты после Диккенса все больше и больше отгораживались от народа.

Толстой же не отгораживался от своего народа. Классовые корни у него иные, чем у Диккенса, и ни как человек, ни как писатель он на Диккенса не похож, кроме как в одном, очень важном отношении: он был простой человек. При всей сложности его характера, при всей широте интеллектуального кругозора и огромной осведомленности в философии и литературе своего времени, о чем свидетельствует хотя бы его яснополянская библиотека, — это был простой человек. Чувства его были необычайно цельными. В нем не было ничего от психологии избранных, ни капли той классовой исключительности, социальной или интеллектуальной, которая так часто снижает ценность современной литературы. И потому, что он смотрел на мир не *сверху*, с позиций правящего класса, и не *извне*, как интеллигент, тешащий себя мыслью, что может остаться над схваткой, но *снизу*, по преимуществу, с позиций крестьянства, его человечность действенна и всеобъемлюща. Он умеет смотреть на самые страшные и постыдные стороны жизни, не убегая от них, но и не упиваясь ими; и он умеет смотреть на героизм человека, не идеализируя его и не впадая в чувствительность. Искусство его велико потому, что оно широкое, здоровое, уравновешенное. Ни один роман в мировой литературе не сравнится по эпическому размаху с «Войной и миром». Ни в одном романе того времени беспощадный анализ и глубоко человеческое сострадание не слиты воедино так волнующе и благородно, как в «Анне Карениной».

Мне кажется, что главное в поразительном таланте Толстого — это его умение найти в искусстве точку зрения, подлинно народную в своей основе. От всего сердца я присоединяю свой смиренный голос к хору голосов, которые здесь поют ему хвалу.

Перевод с английского М. Ф. Л о р и е.

НАКАМУРА ХАКУЁ

Японский писатель, переводчик собрания сочинений Толстого (р. 1891)

Прежде всего, я прошу извинить меня за то, что я буду обращаться к вам по-японски, хоть я и изучал русский язык.

Пятьдесят лет назад, когда умер Лев Толстой, я, двадцатилетний юноша, был студентом Токийского института иностранных языков, где изучал русский язык. С тех пор вся моя жизнь не только в духовном, но, если можно так выразиться, и в материальном отношении была посвящена служению Толстому. Это служение окрасило всю мою жизнь, и для меня большая честь, что я смог сейчас приехать на юбилей Толстого в Москву.

Наследие Толстого — достояние всего человечества. Сейчас почти нет людей, которые бы не знали этого великого имени. Об этом уже достаточно говорили те, кто выступал до меня.

Поэтому позвольте мне сказать несколько слов о моей родине, Японии, и обо мне самом в связи с именем Толстого.

Впервые о Толстом в Японии узнали давно, семьдесят лет назад, когда был переведен на японский язык, еще далеко не совершенно, отрывок из «Войны и мира». Но в то время в Японии еще не существовала литература в нынешнем понимании этого слова, и поэтому опубликованный небольшой отрывок из «Войны и мира» прошел почти незамеченным.

По-настоящему, основательно творчество Толстого стало достоянием

японских читателей приблизительно пятьдесят лет назад, когда я был студентом, но, к сожалению, это было уже тогда, когда Толстой умер, умер глубоким стариком, каким являюсь сейчас я.

У многих японцев в сознании запечатлелся облик Толстого с седой бородой, как будто он уже сразу появился таким на свет; они мыслил и себе личность Толстого как личность, стоящую где-то высоко, неизмеримо более высоко, чем простые люди. Людям представлялось раньше, что у Толстого не было ни детства, ни юности, что он всегда был старым и мудрым.

Толстой до некоторой степени обожествляется японцами как личность, значительно превосходящая простых людей. Это происходит потому, что они узнали о нем тогда, когда слава его достигла зенита.

Я думаю, что такое явление может иметь место в любой стране, но в Японии в особенности есть тенденция обожествлять людей выдающихся, великих, представлять себе их чем-то вроде кумира.

Однако в настоящее время, когда прошло уже пятьдесят лет со дня смерти Толстого, японцы научились видеть в Толстом человека. Я не буду говорить от имени всех девяноста миллионов японцев, но все-таки, поскольку я сам принадлежу к этому народу, я думаю, что не ошибусь, если выражу такое мнение: мы научились у Толстого отношению к искусству, отношению к жизни.

Мы разделяем вообще для всего мира мнение о том, что Толстой как художник стоит выше, чем Толстой-мыслитель.

Чем же так привлекательно прекрасное искусство Льва Толстого? Об этом можно много говорить, и вопрос этот представляется очень интересным, но я позволю себе привести здесь только один небольшой пример. В Японии есть писатель по имени Сига Наоя. Это писатель, которого в Японии даже называют божеством художественной литературы, таким успехом пользуется он у читателей. Сига Наоя не был знаком с творчеством Льва Толстого и, будучи уже знаменитым, маститым писателем, только десять лет назад прочел роман Льва Толстого «Анна Каренина», который перевел на японский язык я и который я сам ему послал. Прочитав роман, Сига Наоя сказал мне следующее:

«Мне кажется, хорошо, что я прочитал „Анну Каренину“ впервые только сейчас, потому что если бы я прочитал этот роман до того, как написал свой роман „Дороги во мраке“, я наверное неспособен был бы взяться за перо вообще, потому что в Толстом я нашел все то, что должно быть в литературе.

Так, например, если Толстой описывает течение реки, то он показывает нам все мельчайшие разветвления этой реки, все мельчайшие поры, куда проникает вода».

Мне кажется, эти слова, сказанные писателем — мастером стиля, лучше других могут подтвердить, как велико воздействие Толстого-художника.

А что касается нашего отношения к жизни, то среди людей, учивших и показывавших нам пути к жизни, указывавших, как нужно жить, были многие выдающиеся личности, и Толстой, разумеется, принадлежит к их числу.

Вы видите, что этот мир полон разнообразия, полон разных животных, разных птиц. Если смотреть поверхностно, то мы, люди, в конце концов, живем тоже отчасти жизнью животных. Толстой говорил, что человека делает человеком сознание и что жить нужно сознательно...

Сам Толстой до конца своей жизни подавал пример того, как нужно жить и как нужно искать путь в жизни.

Это был великий человек, известный всему миру. Но он не думал об этом, он чувствовал себя всегда простым, рядовым человеком, и в этом

его величие. И вот только в этом плане я полагаю, что имя Толстого может стоять в ряду таких людей, как китайский мудрец Конфуций, Будда или Христос. О них мы знаем из легенд и преданий, но о Толстом мы знаем то, что он сам писал о себе.

Во всяком случае, можно сказать, что нет человека на свете, который не знал бы его имени. Были и другие люди, столь же, может быть, великие, как Толстой, но величие Толстого заключается в том, что он обладал способностью выражать свой духовный мир, и в этой силе, в этом умении выразить свой духовный мир Толстой не имеет себе равных.

Авторизованный перевод с японского М. Л. Иоффе.

ВИЛАНД ХЕРЦФЕЛЬДЕ

Немецкий литературовед (ГДР), в 1917—1933 гг. руководитель крупнейшей книгоиздательской фирмы «Malik-Verlag», издававшей произведения Толстого (р. 1896)

Многоуважаемые гости, дорогие товарищи!

Толстовский комитет Германской Демократической Республики дал мне почетное задание передать Юбилейному комитету Толстого в СССР приветственный адрес, подписанный председателем нашего комитета Анной Зегерс, и некоторые книги Толстого и о Толстом, которые были опубликованы у нас в последнее время.

Уважаемые друзья!

Один из крупнейших и замечательных представителей мировой литературы, Лев Толстой, был близок культурным людям Германии и, несмотря на годы гитлеровского господства, остался им близок. С 1890-х годов, когда в Германии была поставлена пьеса «Власть тьмы», имя Толстого до некоторой степени стало уже известным и немецким трудящимся.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИК
РАССКАЗОВ ТОЛСТОГО НА НЕМЕЦКОМ
ЯЗЫКЕ (МЮНХЕН, 1925)

Художник Карл Рёссинг

Титульный лист

«БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА» («КОВЦ»).
ИЛЛЮСТРАЦИЯ НЕМЕЦКОГО
ХУДОЖНИКА КАРЛА РЕССИНГА

Из книги: «Legenden von Leo N. Tolstois».
München, 1925

Но в течение долгого времени, почти тридцать пять лет, Толстого всё еще воспринимали только как святого чудака и религиозного моралиста. Лишь после того как в Германии было издано собрание сочинений Толстого, немецкие читатели смогли понять его значение как художника-реалиста, который, несмотря на свои религиозные, мистические заблуждения, беспощадной критикой уклада жизни царской России способствовал свержению самодержавия.

Произведения Толстого в течение последних десяти лет широко распространяются и популяризируются в Германской Демократической Республике. Наряду с многочисленными изданиями отдельных произведений Толстого, издательства «Aufbau», «Reklam», «Insel», «Rütten und Lening» в Берлине с 1952 года начали издавать полное собрание его сочинений. До настоящего времени вышло уже десять томов. В ближайшие годы собрание сочинений Толстого будет завершено изданием его писем и дневников.

Не только представители старшего поколения читают и уважают Толстого как великого романиста и рассказчика-художника, который служил примером нашим крупным писателям, начиная от Томаса Манна и Леонгарда Франка до Анны Зегерс,— произведения Толстого помогают молодому поколению понять и осознать те страшные условия жизни, в которых жил русский народ при царизме, и понять то, что в стране, где только в 1861 году было уничтожено крепостное право, произошло спустя пятьдесят лет, в стране, которая понесла знамя освобождения всего человечества от борьбы за существование и от страха войны.

И когда мы сегодня, собравшись здесь, обращаем свои чувства и мысли к памяти Толстого, мы верим, что Толстой одобрил бы такое собрание, потому что одновременно мы оказываем почести народу, всем народам мира, для которых Толстой был и остается примером любви к человеку, примером человеческого достоинства.

Перевод с немецкого В. И. Стриженского.

ЭТТОРЕ ЛО ГАТТО

Итальянский славист, автор многих книг по истории русской литературы, переводчик русских классиков (р. 1890)

Я не могу не выразить мои чувства любви, уважения, восторга к великому писателю земли русской, и я уверен, что это чувства всех итальянцев, которые читали Толстого. Мы знаем, какое место занимает Толстой в духовной жизни всех русских и всех людей во всем мире.

Я побывал первый раз в Москве в 1928 году на годовщине его рождения. Это было мое первое знакомство с Россией. Теперь я приехал опять — в годовщину смерти великого писателя, и надеюсь, что, несмотря на то, что я уже тогда был немолод, — не в последний раз.

Все итальянцы давно любят Толстого, а я — в течение сорока лет, что являюсь первым профессором русской литературы в университете в Италии, по мере своих сил содействовал развитию этой любви. Мне хотелось бы много говорить об авторе «Войны и мира», «Анны Карениной» и «Воскресения». Могу прибавить, что в Италии читают Толстого гораздо больше, чем принято думать, не только по-итальянски, но и по-русски. У нас тоже было много изданий книг Толстого. Я, к сожалению, не привез их с собой и собираюсь послать вам последние вышедшие у нас издания.

Конечно как гость Союза писателей я, может быть, слишком смело говорю о себе... Но я был приглашен не на годовщину Толстого. Я был приглашен в СССР, чтобы работать. Я только что, после двадцати лет работы, закончил книгу о Пушкине. Вы знаете, как Толстой относился к Пушкину, как Толстой любил Пушкина. Всю мою оставшуюся жизнь я хочу писать именно о нем. Во всех своих произведениях: «Война и мир», «Анна Каренина» и других, Толстой всегда творил, думая, как мне кажется, о судьбе героев. Он вникал в образы своих героев. Он так ясно обрисовывал их, что можно было легко представить себе всю их жизнь. Это большая лепта для всего человечества, которое должно всегда думать также о себе, но думать, как Толстой думал о себе, как думал он о своих героях.

Речь произнесена по-русски (экспромтом).

КРИШНА КРИПАЛАНИ

Секретарь Литературной академии Индии.
 Был личным секретарем Рабиндраната Тагора
 (р. 1911)

Друзья!

Это высокая честь для меня — находиться среди выдающихся людей, которые собрались в этом великом историческом городе. Эта честь кажется мне еще более высокой при мысли о том, что мы собрались здесь, чтобы почтить память великого писателя, величие которого, вчера принадлежавшее только вам, сегодня стало достоянием всего мира. Толстой раскрывает русскую душу в ее подлинной красоте и чуткости, помогающей ей вместить в себя все человечество. Я горжусь тем, что мне выпала честь участвовать в этом собрании и принести дань уважения памяти несравненного гения от имени Литературной академии Индии, от писателей моей родины и скромную лепту от себя. Мы чтим память писателя и художника, который последовательно стремился к идеалу морального совершенства человека, к тому идеалу, ценность и смысл которого может изменяться в зависимости от эпохи, но основные принципы которого навсегда останутся великим наследием человечества.

«ВОСКРЕСЕНИЕ»
НА БЕНГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ
(КАЛЬКУТТА, 6. г.)

Рисунок индийского
художника Мани

Суперобложка

Толстой оказал огромное влияние на развитие литературы и мысли в современной Индии, несмотря на то, что мы познакомились с его произведениями не в оригинале, а через чужой язык. Вряд ли найдется такой индийский язык, — а вам, конечно, известно, что в Индии насчитывается четырнадцать основных языков, — на который не переводились бы произведения Толстого. На один только язык хинди переведено сейчас около двадцати книг Толстого. Многие видные индийские писатели, такие, как Прем Чанд, Аннада Шанкар Рей и Джайнендра Кумар, испытали на себе сильное влияние философских идей Толстого.

Однако, даже помимо спорадического влияния Толстого на мораль, философию и литературу, которые, как мне кажется, испытал в свое время весь современный Толстому мир, я беру на себя смелость утверждать, что Индия более динамически вобрала в себя моральные принципы Толстого, чем любая другая страна мира, и даже родина писателя. Это произошло потому, что отец современной Индии, Махатма Ганди, глубоко чтит личность Толстого и его учение.

Лучше всего будет, если я процитирую собственные слова Махатмы, относящиеся к великому русскому человеку:

«Больше всего привлекает меня в Толстом то, что всю жизнь он поступал в соответствии со своими принципами и не было для него слишком дорогой цели в искании правды. Он был самым правдивым человеком своего времени. Его жизнь была постоянным стремлением, неустанными поисками правды и желанием быть правдивым, когда он правду находил. Он никогда не старался прикрыть правду или приглушить ее голос — он выставлял правду перед миром во всей ее цельности, без колебаний,

без компромиссов, не боясь никакой из земных сил... Он был величайшим апостолом непротивления, рожденным нашей эпохой. Никто другой на Западе ни до него, ни после, не писал и не говорил о ненасилии с такой полнотой, проникновенностью и прозрением, как он... Кое-кто из критиков Толстого говорил, что его деятельность была сплошной неудачей, что он так и не достиг своего идеала, не нашел мистическую зеленую палочку, которую искал всю жизнь. Я не согласен с этими критиками. Пусть сам Толстой называл себя неудачником — это говорит только о его величии. Может быть, ему действительно не удалось полностью воплотить в жизнь свой идеал, но ведь это так свойственно человеку... Поэтому сказать, что Толстой, по собственному признанию, не сумел достичь своего идеала, не значит хоть на йоту умалить его величие; это говорит только о его скромности».

Много говорилось о так называемых непоследовательностях в жизни Толстого, но они были скорее мнимыми, чем подлинными. Непрерывное развитие есть закон жизни, и тот, кто цепляется за свои догмы, стараясь казаться последовательным, ставит себя в ложное положение. Именно это имел в виду Эмерсон, говоря, что глупая последовательность — пугало мелких умов. Так называемая непоследовательность Толстого свидетельствовала о его развитии и о его страстном преклонении перед правдой. Толстой был велик даже в своих неудачах. Эти неудачи дают нам представление не о бесплодии его идей, а о его успехе.

Другое великое положение, выдвинутое Толстым, заключалось в его учении о труде ради хлеба насущного — трудом своих рук должен добывать человек хлеб свой, и если бы каждый выполнял свой долг, не было бы в мире вопиющей нищеты.

Лицемерием и мошенничеством считал Толстой все планы улучшения бедственного положения масс, основанные на благотворительности богатых, избегающих физического труда и продолжающих жить в роскоши и лени. Он говорил, что если богатые слезут со спин бедняков, то не понадобится никакой благотворительности.

Запад наводняет нашу страну литературой, зараженной вирусом пошлости слабостям человеческой природы. Внешне эта литература очень привлекательна, и наша молодежь должна быть настороже. Настоящее время для молодого поколения — это период, когда изменяются и идеалы, и мучителен путь к ним.

В этот критический период весь мир, вся молодежь, а особенно индийская молодежь, нуждается в учении Толстого, в его прогрессивном самосовершенствовании, потому что только это может привести молодежь к подлинной ее свободе, к свободе ее родины и всего мира.

Друзья, благодарю вас за честь, которую вы мне оказали, предоставив трибуну, с которой и я принес свою скромную дань уважения памяти великого художника и великого человека.

Перевод с английского М. Л. Салганик.

МИКЛОШ САБОЛЬЧИ

Венгерский критик и литературовед (р. 1921)

Разрешите от имени Союза венгерских писателей и Института истории литературы Венгерской Академии наук приветствовать сессию, посвященную пятидесятилетию со дня смерти Толстого, и выразить нашу благодарность за любезное приглашение.

Не беру на себя смелость оценить здесь, в присутствии ученых, более сведущих в этом, все величие и значение Толстого. Скажу лишь несколько слов о значении Толстого для венгерской литературы.

Толстой давно популярен в Венгрии; начало его популярности относится еще к последним десятилетиям прошлого века. Едва ли можно назвать хотя бы одного мало-мальски значительного венгерского писателя (кроме самых реакционных), который не испытал бы этого влияния. Большую роль играло творчество Толстого и в начале нашего века, в годы нового литературного движения, способствуя развитию народного, демократического направления в нем.

Чем же покори́л наших писателей и читателей Толстой? Глубокой любовью к жизни, необыкновенно тонким и богатым знанием человеческой души и общества, правдивым изображением жизни частной и общественной. В нем привлекало слияние традиционного и нового, глубоко русской проблематики с европейским кругозором. И если во взглядах его и было то, что мы теперь называем «толстовством», все же моральная требовательность Толстого, его страсть к исправлению и улучшению действительности, осуждение ее отживших форм и лживых установлений, защита чистых человеческих чувств — все это действовало революционизирующе, в прогрессивном направлении. Произведения Толстого играли большую роль не только в формировании демократических писателей, но и лучших деятелей рабочего движения, будущих членов революционной рабочей партии.

После 1945 года в нашей стране начинается «второе рождение» Толстого. Вновь переиздаются его произведения, над переводом которых работают лучшие переводчики. В прекрасном переводе известного венгерского писателя Ласло Немета появились «Анна Каренина», «Детство», «Отрочество», «Юность» и некоторые рассказы. Большим тиражом вышли все важнейшие произведения Толстого, которые стали любимым чтением венгерских трудящихся. «Анна Каренина», например, экземпляр которой находится здесь у меня в руках, вышла в этом году тиражом в двенадцать тысяч экземпляров — немалым для страны с десятиллионным населением.

Для наших писателей Толстой — великий пример. У венгерской прозы есть свои достижения в области критического и социалистического реализма. Но все же эти успехи проявятся скорее в лирике и драме, чем в эпике с ее психологическим анализом, величайшим мастером которого в мировой литературе до наших дней остается Лев Толстой. А это искусство особенно необходимо нам сейчас, когда мы строим социалистическое общество и стремимся изображать в литературе глубокие социально-психологические процессы, сопутствующие его строительству.

Обо всем этом мне хотелось сказать в связи с сессией, посвященной памяти великого художника, и пожелать ей успешной, плодотворной работы.

Перевод с венгерского О. К. Россиянова.

ЧОЙЖЛЫМ ЧИМИД

Монгольский поэт (р. 1920)

Дорогие товарищи, дорогие друзья!

Я хотел бы, прежде всего, передать горячий привет монгольских писателей, литературоведов и переводчиков нашим радушным хозяевам — писателям и литературоведам Советского Союза, всем присутствующим здесь товарищам и друзьям.

Пользуясь случаем, хочу вкратце рассказать о работе, проделанной в нашей стране по переводу и популяризации произведений Льва Толстого.

Победа Народной революции 1921 года, совершенной под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, открыла перед нашим народом не только путь к строительству свободной и счастливой жизни, но и путь к созиданию новой культуры. После революции Монголия покрылась сетью школ, кружков по ликбезу; революция широко распахнула перед народом двери культурно-просветительных и художественных учреждений. Это был огромный шаг вперед — ведь дореволюционная Монголия была страной сплошной неграмотности, почти не имела школ и культурно-просветительных учреждений.

В дореволюционной Монголии, если не считать перевода нескольких китайских романов, сделанных накануне революции, переводились, в основном, с тибетского, книги только религиозного содержания. Людей, знающих европейские языки, в 1920-е годы насчитывалось всего несколько человек. И все же интеллигенты Монголии уже тогда понимали, что для строительства новой культуры им необходимо ознакомиться со всеми культурными ценностями, со всем духовным богатством, накопленным человечеством. Необходимо было широкое ознакомление монгольского народа с русской культурой, о которой он так мало знал. В 1925 году группа монгольских интеллигентов обратилась с письмом к великому пролетарскому писателю Алексею Максимовичу Горькому. В этом письме они спрашивали, какого принципа им надо придерживаться при переводе произведений русских писателей. Я позволю себе почти полностью процитировать ответ М. Горького:

«Сердечно благодарю вас за ваше глубоко интересное письмо,— писал Горький тогдашнему полпреду Монголии в Советском Союзе.— Вы так ясно дали мне понять, насколько важна и трудна задача, которую монгольская интеллигенция ставит пред собою. Позвольте от всего сердца пожелать вам и вашим товарищам бодрости духа. Да не поколеблется во все дни вашей жизни крепкая вера в то, что вы начали великое и необходимое дело. Нет на земле работы, более важной и трудной, чем работа, мужественно начатая вами, монгольской интеллигенцией.

Вы пишете: „Наши силы ограничены“. Это не должно смущать вас: важно не количество, а качество сил (<...>)

Вы спрашиваете: „Какого принципа держаться, переводя русскую художественную литературу на монгольский язык?“

Едва ли я смогу ответить на тот вопрос с точностью, которая сможет удовлетворить вас. Но, насколько я могу судить о душе монгола по книгам, прочитанным мною о Монголии, я думаю, что наиболее полезна была бы вашему народу проповедь принципа активности. Именно активному отношению к жизни Европа обязана всем тем, что в ней прекрасно и достойно усвоения всеми расами.

„Желание суть источник страдания“,— учил Будда. Европа ушла вперед других народов мира в областях науки, искусства и техники именно потому, что она никогда не боялась страдать, всегда желая лучшего, чем то, чем она уже обладает. Она сумела пробудить в массах своего народа стремление к справедливости, к свободе, и за одно это мы должны простить ей множество ее грехов и преступлений.

Мне кажется, что, знакомя монгольский народ с духом Европы и современными нам желаниями ее масс, вам следует переводить именно те европейские книги, в которых наиболее ярко выражен принцип активности, напряжение мысли, стремящейся к деятельной *свободе*, а не к *свободе бездействия*...»*

* Письмо А. М. Горького к полномочному представителю Министерства народного просвещения Монгольской Народной Республики в СССР Эрдени Батухану из Сорренто от 19 мая 1925 г. Авторизованная копия хранится в архиве А. М. Горького (Москва). Опубликовано в монгольской газете «Унэн» 18 июня 1944 г. — *Ред.*

Этот завет Горького, мудрость которого подтвердила сама жизнь, и ныне свято соблюдается монгольскими литературными переводчиками.

Но тогда, когда это письмо было получено в Монголии, — перевод произведений русских писателей был делом хотя и недалекого, но все-таки будущего.

Все еще была неграмотной основная масса населения, была маломощной полиграфическая база, будущие литературные переводчики, окрыленные напутствием Горького, еще одолевали русскую грамматику. Но у них было самое главное: они знали, какого принципа им придерживаться в их деятельности.

Перевод произведений русских писателей начался в 1930-х годах. Именно к тому времени относится и начало перевода произведений Толстого.

Первыми переводчиками русских произведений были писатели. Выдающийся монгольский поэт — основоположник современной монгольской литературы Д. Нацагдорж переводил с русского лирические стихи и повести Пушкина, с немецкого — произведения западноевропейских писателей. Вместе с ним работали известные писатели и ученые Ц. Дамдинсурэн, Э. Оюн и многие другие.

В декабре 1935 года в переводе преподавателя одной из столичных школ — Ишидоржа, тиражом в три тысячи экземпляров вышел на монгольском языке «Кавказский пленник» Толстого. Ишидорж сопроводил свой перевод кратким послесловием.

«Ныне, когда в наших школах, — писал он в своем послесловии, — прилагаются все усилия к тому, чтобы воспитывать подрастающее поколение, всех детей, в революционном духе, активными, инициативными, волевыми и непоколебимыми героями, рассказы о таких мужественных людях; несомненно, принесут пользу, вызывая стремление подражать им».

Таким образом, уже первые переводчики Толстого искали и находили в его произведениях то, что советовал искать Горький при переводе произведений русских писателей, — проповедь принципа активности.

Страстность великой души, прямота и резкость, правдоискательство Толстого стали привлекать внимание как переводчиков, так и широких кругов читателей.

В 1941 году Ш. Уегминдом был переведен рассказ Толстого «После бала», вошедший с тех пор в нашу хрестоматию по русской литературе.

В 1945 году была опубликована повесть «Хаджи Мурат» в переводе литератора и врача Х. Гонгоржава. В предисловии к этому изданию «Хаджи Мурата» отмечалось, что «Лев Толстой является выдающимся писателем, прославившимся на весь мир. Его произведения „Война и мир“, „Анна Каренина“, „Воскресение“ вошли в сокровищницу мировой культуры».

В разное время были переведены рассказы «Три смерти» (перевод Д. Дашдоржа), «Полигушка» (перевод Б. Наранцацралжа), «Ходынка» (перевод Д. Лодойдамбы), «Хозяин и работник» (перевод Д. Дашдоржа и С. Бадры) и другие, объединенные в сборник «Рассказы».

Затем был опубликован роман «Воскресение» под редакцией Л. Тойво, с его предисловием, и первый том «Войны и мира».

Если в 1930-х годах был переведен только один рассказ Толстого, то конец 1950-х годов, как мы видим, ознаменовался началом работы над переводом основных произведений Толстого, в том числе романа-эпопеи «Война и мир».

Толстой дорог нам как гениальный писатель-реалист, сумевший отобразить в своих произведениях многие стороны жизни русского народа на различных исторических этапах. Мы любим его за то, что он

с большой психологической глубиной сумел показать человека со всеми его переживаниями и порывами, взлетами и падениями. Нам особенно близок обличительный пыл его произведений, беспощадность его пера ко всему, что мешает человеку в его стремлении к лучшему.

В 1953 году, когда в Монголии отмечалось столетие со дня рождения Толстого, газета «Унэн» отметила:

«Произведения великого русского писателя читаются у нас всеми. Наши писатели, художники, деятели культуры, все наши трудящиеся воспитываются на произведениях Толстого»*.

Изо дня в день растет в Монголии число почитателей Толстого и других корифеев русской и мировой литературы.

Произведения Толстого читают не только ученые и студенты, учащиеся и служащие, но и рабочие, чабаны, нефтяники, доярки, железнодорожники и механизаторы.

Ныне у нас, в Монголии, придается особое значение дальнейшему повышению культурного уровня населения. В связи с этим будет приобретать еще более широкие масштабы перевод произведений Толстого и других выдающихся мастеров художественного слова.

Нам, монгольским писателям и переводчикам, приятна и радостна такая перспектива, особенно в эти дни, когда в Советском Союзе, в нашей стране, во всем мире торжественно чувствуются гениальный русский писатель, великая русская культура.

Речь произнесена по-русски.

АЛЬБЕРТ ВИКСТЕН

Романист, председатель Союза писателей Швеции (р. 1899)

Мы отмечаем пятидесятилетие со дня смерти Толстого в очень напряженные дни.

Идеологические разногласия в мире становятся все более острыми, так что порой начинает казаться, будто воздух насыщен ненавистью и страхом.

Особенно сильно мы ощущаем это теперь, когда появление новых видов оружия и возможность острых конфликтов грозят привести мир к катастрофе, могут уничтожить все живое на Земле.

Невольно спрашиваешь себя, какую позицию в этом вопросе занял бы Толстой, если б он жил в наше время. Вполне возможно, что оптимизм Толстого, его любовь к простым людям и, главное, его непререкаемый международный авторитет сделали бы свое дело и помогли бы людям понять это. Впрочем, сказать что-нибудь более определенно нам сейчас очень трудно.

Многие здесь говорили о Толстом как человеке, о Толстом как писателе, о его произведениях и их значении для всего человечества. Едва ли я смог бы добавить что-либо существенное к тому, о чем уже говорилось.

Толстой был великим знатоком души человека, его книги производят неизгладимое впечатление на всех без исключения людей, независимо от их образования, от уровня развития и классовой принадлежности. И вот в доказательство этого мне хотелось привести один небольшой эпизод, который показывает, как и когда я впервые узнал о Толстом.

Я вырос и провел большую часть своей жизни среди лесорубов в маленьком селении на севере Швеции.

* «Унэн», 9 сентября 1953 г.— Ред.

Пятьдесят три года назад там, конечно, не было никакой библиотеки. Более того, там вообще не было книг. И вот один из каменщиков, который одновременно выполнял обязанности пастора и объединил лесорубов в профсоюз, ходил по домам и беседовал с людьми.

Однажды вечером он собрал нас, лесорубов, молодежь, и прочел нам отрывок из какой-то не известной нам книги. Содержание прочитанного мы стали тут же горячо обсуждать.

Я не помню, из какого произведения был прочитан этот отрывок, но он произвел на меня неизгладимое впечатление. И это впечатление сохранилось у меня на всю жизнь. Впоследствии я узнал, что это была книга Льва Толстого.

Мне тогда было семнадцать лет. Это событие словно пробудило нас всех, жителей отдаленного поселка. С тех пор мы старались раздобывать новые книги. Нам стали близки идеи и произведения великого мастера.

Я рассказал вам этот маленький эпизод для того, чтобы показать, как захватывали произведения Льва Толстого простых людей, людей, не получивших никакого литературного образования, людей не имевших вообще никакого представления о литературе.

И разве я мог предполагать тогда, что когда-нибудь побываю на родине великого писателя и приму участие в его чествовании!

Мне снова хотелось бы теперь возвратиться к тому, с чего я начал сегодня, и сказать о том, что волнует сейчас все человечество.

Мне хотелось бы сказать несколько слов о том, что народам сейчас необходимо разоружиться. Но, кроме пушек и атомных бомб, имеется еще одно, более действенное оружие, и именно теперь необходимо было бы вооружить им все народы. Такое оружие — это те идеи, которые нам завещали великие мастера, представители литературы, музыки, живописи. Это великое наследие, которое является достоянием всей нашей культуры, это оружие духовное. Оно бессмертно. Его нельзя уничтожить. Нет на земле такой силы, которая могла бы смести, уничтожить такое наследие. Как сказал один шведский поэт, — нельзя построить плотину из льда.

Россия внесла свой огромный, неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры. Русская классическая литература пользуется огромным успехом у всех скандинавских народов, в частности, у шведских читателей.

За последнее время в связи с чествованием Льва Толстого во многих шведских газетах появились статьи о великом писателе.

Почти все произведения Толстого переведены на шведский язык, и не нашлось бы, пожалуй, ни одной, даже самой маленькой библиотеки, в которой не пользовались бы большим спросом книги Толстого.

С современной советской литературой скандинавские читатели, к сожалению, еще мало знакомы. Может быть, это происходит отчасти потому, что существуют еще некоторые формальные препятствия, мешающие широкому культурному обмену.

Весь мир отмечает теперь пятидесятилетие со дня смерти великого сына русского народа.

В Швеции тоже очень любят Толстого, и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что чествование Толстого у нас на родине также приняло общенародный характер.

В заключение мне хотелось бы передать сердечный привет от Союза писателей Швеции всем моим русским коллегам и всему русскому народу.

Перевод со шведского.

ГЕОРГИ КАРАСЛАВОВ

Болгарский писатель (р. 1904)

Дорогие друзья!

Я хочу с этой высокой трибуны поблагодарить за предоставленную мне возможность сказать несколько слов о Толстом в Болгарии. Да, именно в Болгарии — в прямом и переносном смысле этого слова.

Более века тому назад молодой офицер Лев Толстой участвовал в военных действиях против турок возле болгарского города Силистрии. Его впечатления о жизни поработанных болгарских крестьян были самыми тяжелыми.

В болгарских селах Толстой увидел мрак, невежество и страшную нищету. Да и мог ли он в то время видеть что-либо иное? Но после освобождения от турецкого ига в 1878 году, освобождения, достигнутого ценою многих жертв со стороны России, болгарский народ быстро встал на ноги. Этот народ, стряхнувший с себя пятисотлетнее рабство, жадно стремящийся к просвещению и науке, заговорил о Льве Николаевиче Толстом.

Еще при жизни Толстой становится любимым писателем болгарской интеллигенции, болгарского народа. О нем постоянно пишут наши газеты и журналы, с ним ведут переписку. В Ясную Поляну приезжает ряд страстных его приверженцев и почитателей. И самое главное, у него учились, учатся и будут учиться все без исключения болгарские писатели. Толстой всегда напоминал болгарским литераторам, что если они хотят заслужить высокое звание писателя, пусть не забывают свой долг — писать о народе, только о народе, и тем самым отстаивать его жизненные интересы. Читая произведения Толстого, написанные с поразительным реализмом и с такой глубокой страстностью, наши писатели видели и видят, что честности, искренности, любви и уважению к человеку величайший из писателей учился у трудового народа.

Можно смело сказать, что если болгарская литература носит глубоко народный характер, если она не отставала и не отстает от поступательного движения своего народа, то это в большей степени обусловлено тем простым обстоятельством, что наши писатели учились у этого великого «инженера человеческих душ». Мало сказать, что Толстой — писатель, которого много читают в Болгарии. Справедливее было бы сказать, что в Болгарии воспринимают Толстого как своего писателя.

До сегодняшнего дня в Болгарии переведено и издано триста пятьдесят отдельных книг Толстого, тиражом свыше миллиона экземпляров. Но даже эти цифры не дают достаточно полного представления о любви наших читателей к Толстому, так как только за последние шестнадцать лет в Болгарии разошлись десятки миллионов книг на русском языке, а значительную часть этих книг составляют бессмертные творения Толстого. Уже восемьдесят лет в болгарских школах изучают русский язык, так что наши читатели с юных лет в оригинале познают писательское мастерство Толстого.

Каждый год у нас в Болгарии на специальных курсах около пятисот тысяч простых болгарских граждан изучает русский язык, и поэтому нет ничего необыкновенного в том, что на животноводческих и птицеводческих фермах в целиком кооперированном болгарском селе среди настольных книг первое место занимают произведения Толстого, его собрания сочинений в четырнадцать томах, как в переводе, так и в оригинале.

Я не говорю о наших рабочих, о нашей интеллигенции, которые читают и любят Толстого, как своего родного писателя; я говорю о правну-

ках тех порабощенных крестьян, о жизни которых более века тому назад Лев Толстой сказал горькие слова.

Сейчас наши кооператоры, образованные, жизнерадостные и уверенные в своем еще более прекрасном завтрашнем дне, читают вслух во время отдыха на полях кооперативов книги Толстого и радуются, что великая русская земля родила и вскормила такого великана человеческого слова и художественной мысли, что она дала человечеству такого бесмертного верного друга и учителя — Льва Николаевича Толстого.

Перевод с болгарского М. В. Т а р а с о в о й.

ЯН ДРДА

Чешский писатель и общественный деятель (р. 1915)

Дорогие товарищи!

Позвольте мне поблагодарить вас за честь, которую вы мне оказали, пригласив меня участвовать как представителя чехословацких писателей в этом большом толстовском празднике. Это меня вдохновляет тем более, что я приехал из страны, где борьба за Толстого, которая началась в начале 90-х годов прошлого столетия, развертывалась на протяжении более пятидесяти лет не только в области литературы, но и всей нашей культурной жизни; она велась и в самом широком политическом смысле, становясь принципиальной борьбой за направление развития жизни всего чешского народа.

Толстой как писатель проник в Чехию рано. Уже в 1858 году, когда Льву Николаевичу было тридцать лет, в «*Časopise Českého Musea*» была напечатана первая статья о «Детстве», «Отрочестве» и «Юности». Первый перевод на чешский язык «Войны и мира», хотя и сокращенный, выходит в 1873 году. Первое отдельное издание «Анны Карениной» — в 1881 году. Это тем более закономерно, что молодое поколение писателей-реалистов 1890-х годов находит в гениальном мастерстве Толстого великий пример. Закономерно еще и потому, что наша реалистическая литература опиралась на чешскую деревню, видела своего основного героя в крестьянине и свои самые драматические конфликты находила в быстро развивающейся классовой дифференциации деревни. Именно писатель В. Мрштик, автор нашей наиболее сильной сельской драмы «Мариша», издает в 1888 г. новый перевод «Войны и мира», считающийся поистине образцовым. Он отдает этой работе всю силу своего писательского таланта, так что здесь реалистическое искусство Льва Николаевича впервые на чешском языке засверкало во всем своем потрясающем величии и красоте.

Появление Толстого так волновало писателей, что целая плеяда поэтов того времени посвятила ему свои стихи. Ярослав Врхлицкий говорит о нем, как о «современном маяке человечества». Адольф Гейдук представляет его как крестьянина-гиганта, который ногами стоит в борозде, а головой упирается в облака и над которым встает «багряно-золотая заря». Клаштерский говорит о нем, как о «солнечной душе». И хотя подход скептика Врхлицкого иной, чем подход старого взволнованного народного Гейдука, ясно, что все эти поэты постигают творческую силу Толстого-художника, его пронизательное раскрытие души человека, создание им целого мира человеческих отношений и мечтаний. И хотя у нас не было человека, который мог бы правдиво раскрыть появление Толстого-художника, эти поэты, в силу своего художественного восприятия, чувствовали, в чем величие Толстого.

Одновременно в 1890-х годах под влиянием Т. Г. Масарика, который позднее сыграл немалую роль в нашей истории, начинают проникать известия, а позднее возникает и легенда о Толстом — философе и общественном реформаторе.

Масарику, человеку далекому от искусства, был совсем непонятен и безразличен Толстой-художник. Масарик, который позже, в тоге идеалистического философа, играл роль «спасителя» чешской буржуазии, увидел в учении Толстого о «непротавлении злу» средство парализовать растущие классовые противоречия в стране, где бурно развивалась промышленность и быстро рос рабочий класс.

Используя учение и моральный авторитет Толстого, Масарик пытался создать и обосновать тип рабочего-пролетария, который недавно еще пришел из деревни, в котором укоренилась особая каратаевская пассивность, способность к непротавлению, способность быть податливым материалом в руках чешской буржуазии. Мрштик с самого начала увидел, что Масарик совершенно не понимает и презирает Толстого-художника, и уже в 1890 году заявил, что «Масарик неспособен сказать ничего о Толстом-художнике и говорит только о Толстом-философе». И в лице Масарика Мрштик приобрел себе врага на всю жизнь.

В первые годы XX века борьба за Толстого обострилась до предела. Масарик прославился как гость Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне, где он был трижды, и из этого он извлек монопольное право на толкование личности Толстого. Но в 1901 году Ясную Поляну посетил Зденек Неудлы, тогда двадцатитрехлетний юноша, и написал статью,

«СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»
ЧЕШСКОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ (ПРАГА, 1959)

Художник Ян Достал

Обложка

«СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА».
ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЧЕШСКОГО
ХУДОЖНИКА ЯНА ДОСТАЛА

Фронтиспис книги: «Lev Nikolajevit
Tolstoj. Smrt Ivana Iljice». Praha, 1959.

полную пронизательных наблюдений и выявившую ряд противоречий у Толстого. Он показал, что сила Толстого — в его творческом гении, и этим нанес удар ложной легенде, созданной Масариком.

Неедлы не был одинок. Именно художники-реалисты, для которых Лев Николаевич Толстой являлся великим примером, выступили против Масарика. В то время, когда Масарик в начале XX столетия навязчиво твердил, что «популяризация Толстого» не нанесет ущерба чешскому обществу, думая о Толстом-непротивленце, Антал Сташек, один из наших крупнейших писателей-реалистов, гневно ответил ему: «Оставьте нас в покое с вашей толстовщиной!»

Между тем, все творчество самого Антала Сташека озарено глубоким проникновением в творчество Льва Николаевича. И именно этот удивительный художник, когда ему было уже восемьдесят лет, открыто примкнул к революционному рабочему движению, а его сын, Иван Ольбрахт, стал в нашей литературе мастером социалистической прозы.

Борьба за Толстого между прогрессивными и реакционными силами в чешской культуре продолжалась и в последующие десятилетия.

Решающая битва произошла в 1928 году во время празднования сотой годовщины со дня рождения Толстого. Масарик был тогда уже президентом буржуазной республики, и с этой позиции он совершенно изменил свой взгляд на Толстого в соответствии с интересами господствующей буржуазии. Официальный масариковский публицист Фердинанд Пероутка писал в дни юбилея: «Европа отмечает толстовский юбилей неохотно,

словно ставит свечку перед портретом умершего дедушки». Он обвинил Толстого в том, что в нем есть нечто от самого «примитивного иконоборческого социализма» и что «в мудрости Толстого можно почувствовать враждебное отношение к жизни». И тут же утешал Масарика, говоря, что Толстого «мы читаем сегодня с таким чувством, с каким проходим по музеям».

А Масарик, обращаясь к солдатам, распрощался с Толстым, необычайно резко заявив, что «только такой глупец, как Толстой, мог призывать к непотворению» (отмечу, что Масарик обращался к армии, которой приказывали в то время стрелять в бастующих рабочих).

И опять-таки закономерно, что именно в том же году и именно к этому юбилею двадцатипятилетней Юлиус Фучик издал книжку «Ленин о Толстом», где опубликовал все ленинские статьи о великом писателе, и сам написал предисловие к ней, создав новый для Чехии образ Толстого. Лев Николаевич предстал в этом предисловии во всем величии своего исторического значения. Чешская буржуазия тогда сказала Толстому: «Нет!» Молодая марксистская критика сказала: «Да!»

Мое поколение, которое изучало славистику в последние годы перед войной, участвовало в борьбе в университетских аудиториях даже против собственных профессоров, запутанных масариковщиной. Нашим оружием было то, что мы Толстого страстно читали, что мы вооружались в этой борьбе непосредственно произведениями Толстого. Не могу не вспомнить один эпизод, происшедший в 1938 году на семинаре по славистике.

Профессор говорил о Платоне Каратаеве как о типичном представителе характера русского человека.

Тогда выступил один из двадцатилетних студентов и спросил: «А капитан Тушин, который стрелял из последней пушки у Шенграбена, разве это не русский характер?»

— Нет, это эпизодический персонаж, — сказал тогда профессор, и в тот же момент он потерял в наших глазах свой моральный авторитет.

Николай Ростов, Пьер Безухов, Андрей Болконский и даже старый и очаровательный генерал-аншеф — именно в годы наших молодых исканий запечатлелись в наших горячих душах и удивительным образом встали рядом с героями «Тихого Дона», «Разгрома» и «Гибели эскадры».

Для писателей современной Чехии, так же, как для сотен тысяч наших читателей, Толстой жив навеки. Нас уже не волнуют дебаты о Толстом, нас волнует его правдивое проникновение в человеческую душу, его огромная жизненная правдивость, простота и активность, которыми искрится Наташа Ростова и которые можно увидеть и у современной советской девушки.

Толстой воевал не только в Севастополе, он страстно воевал на стороне прогрессивного человечества в грозной войне против фашизма: силой художника, который в творчество щедро вложил всю свою личность, знание человека, любовь к людям, мечту о жизни честной и правдивой, ненависть ко всему, что унижает и оскорбляет человека. Толстой будет так же активно влиять на грядущие поколения.

Во всей мировой литературе существуют только два гения такой силы — Толстой и Шекспир.

Разрешите мне поклониться не памяти Толстого, а той живой и вдохновляющей силе гения, которого русский народ дал человечеству.

Перевод с чешского Т. И. М и р о н о в о й.

ШИВДАН СИНГХ ЧАУХАН

Индийский литературовед (р. 1918)

Дорогие друзья!

Я очень благодарен, что мне предоставлена возможность выступить на столь торжественном собрании по такому вопросу, как «Толстой и Индия».

Влияние Толстого на Индию — на нашу литературу и идеи, а также на нашу борьбу за национальную независимость настолько велико, что в коротком выступлении невозможно полностью осветить этот вопрос.

Однако я попытаюсь рассказать вам, чем был для нас Толстой и почему его так высоко чтят во всей Индии.

Ленин назвал Толстого «колоссом», а его художественные произведения — «шагом вперед в художественном развитии человечества». Ленин высоко ценил Толстого за то, что тот, даже в те времена, когда царские репрессии заставили замолчать все другие голоса, всегда поднимал свой мощный и искренний голос протеста против социальной лжи и фальши. Ленин также высоко ценил Толстого за то, что тот в своих произведениях осуждал капиталистическую эксплуатацию, разоблачал коррупцию государственных чиновников, показал всю глубину противоречий между накоплением богатств и культурных достижений цивилизации и ростом нищеты, отсталости и страданий трудящихся масс. Ленин не менее высоко ценил Толстого за его трезвый реализм, с которым он срывал «все и всяческие маски». Такой колосс, который был также и великим художником, и реалистом, и критиком, и гуманистом, и величайшим борцом за правду, против всякой несправедливости, не мог не оказывать влияния на мировую культуру и историю. Все, за исключением некоторых декадентов и формалистов различных мастей, тщетно пытавшихся отрицать тот факт, что искусство является целенаправленной деятельностью человека, с благодарностью признали, что великий реализм Толстого сыграл немалую роль в том, что мировая литература получила свое новое направление. Влияние реализма Толстого сказалось в произведениях крупнейших писателей мира, начиная с последнего десятилетия XIX века — в произведениях Золя, Мопассана, Романа Роллана, Бернарда Шоу, Чехова, Горького, Лу-Синя, Андерсена-Нексе, Драйзера, Томаса Манна, Рабиндраната Тагора, Шоротчондро Чоттопадхая, Прем Чанда, Арагона, Хемингуэя, Шолохова, Алексея Толстого и многих других писателей последующих поколений.

Реалистическая традиция Толстого в целом стала мощной силой. Она, несомненно, составляет основное течение мировой литературы сегодняшнего дня, если мы, конечно, справедливо примем во внимание современные литературы социалистических стран и современные литературы стран Азии, Африки и Латинской Америки, а не будем ограничивать свои исследования только некоторыми декадентскими течениями в западной литературе и не станем ошибочно принимать их за течение, представляющее мировую литературу, как это часто делают критики на Западе.

Учение Толстого, резкое осуждение капиталистической эксплуатации и феодально-буржуазного строя, проповеди любви и правды, аскетизма и просвещения, физического труда и непротивления злу оказали огромное влияние на судьбы истории в первой половине XX столетия, особенно на национально-освободительное движение в странах Азии и Африки. Несмотря на то, что его проповеди носили ненаучный и утопический характер, они были, в основном, «социалистическими» и, как говорил Ленин, «содержали элементы критики, дающие ценные сведения для просвещения передовых классов». Многочисленные произведения Толстого, такие, как «В чем моя вера», «Так что же нам делать?», «О смысле жизни»,

«Рабство нашего времени», «Что такое религия...», «Христианство и патриотизм», «Не могу молчать» и другие, содержащие его учение и критические мысли, были мощным источником просвещения для молодой интеллигенции и патриотов Китая, Индии, Египта и других стран Азии и Африки, которые начали пробуждаться в начале этого века.

Полемические произведения Толстого были первыми, которые помогли нашим народам понять свое бесправие и нечеловеческие условия колониальной эксплуатации, пробудили патриотические чувства и вдохновили на борьбу за национальную независимость.

Если мы взглянем объективно на ход истории, в частности на особые условия, господствовавшие в начале XX века в большинстве поработанных стран Азии и Африки, то увидим, что учение Толстого играло определенно революционную роль. Его идеология, прекрасно охарактеризованная Лениным как идеология восточноазиатского порядка, по своему истинному историческому содержанию (статья Ленина «Толстой и его эпоха») объясняет, почему его учение было воспринято с такой готовностью в Индии. Нашей интеллигенции казалось, что учение Толстого является как бы продолжением учений Гиты и Упанишад и выражает самые высокие и самые благородные мысли и чувства, проповедует жизнь, основанную на любви, правде и простоте — на всех тех принципах, которые индийцы с незапамятных времен считают высшими добродетелями человека. Наш народ, помня жестокие репрессии, которым он постоянно подвергался со стороны цивилизованного белого человека, начал относиться с большим недоверием ко всему чужеземному, хорошему и плохому, как к зловещему вызову своей древней культуре и социальным институтам. Но народные рассказы Толстого (они первыми дошли до нашего народа), его проповеди и полемические произведения были приняты у нас с распростертыми объятиями, как если бы Толстой сам являлся героем наших древних сказаний, ожившим для того, чтобы указать новый путь к спасению нашей нации. Насколько я помню, Ганди был первый, кто познакомил наш народ с Толстым. Он назвал его «Махатма» (что означает: «Великий духом»). Это самая большая честь, которую оказывают индийцы только наиболее выдающимся смертным. Таким образом, подобно Махатме Будде, Махатма Толстой стал источником света для нашего народа. Его великий дух словно поднялся из глубин индийского народа и призвал оставить страх и смело бросить вызов самой сильной империалистической державе и завоевать свободу.

Именно в 90-е годы прошлого столетия молодой тогда Ганди увлекся учением Толстого. Влияние Толстого было настолько сильно и неизгладимо, что Ганди всю свою жизнь мыслил и поступал согласно принципам Толстого. Позднее это влияние определило характер и форму национально-освободительной борьбы в Индии еще за полстолетия до того дня в 1947 году, когда, наконец, Индия, под руководством Ганди, добилась свободы. Молодой Ганди, которого также позднее начали называть Махатма и который стал отцом молодой индийской нации, находил в Махатме Толстом родственную душу и достойного учителя, которому он безоговорочно следовал в своих словах и поступках. Молодой Ганди с энтузиазмом принимал учение Толстого и начал проводить его как в личной жизни, так и в своей общественной деятельности. Молодой Ганди сам был трезвым реалистом и имел в себе все задатки великого человека. Хотя идея полной национальной независимости пришла к нему значительно позднее, все же как реалист он не мог не понимать, что учение Толстого, широко примененное на практике, может потрясти основы Британской империи.

Ганди обладал редким даром — он мог с помощью нескольких простых слов и мыслей заставить действовать миллионы людей. Молодым адвока-

«СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ» НА ЯЗЫКЕ
ХИНДИ (ДЕЛИ, 1959)

Обложка

том он отправился в Южную Африку. Он там непосредственно столкнулся с расовыми предрассудками белых поселенцев и увидел страдания и нужду африканского населения — такие же, какие он видел и у себя на родине. Учение Толстого подсказало ему, как надо было действовать. Он организовал массовое движение против расистской дискриминации. Он назвал это движение «сатьяграха» («настаиваем на правде») — ненасильственное сопротивление и моральный протест против несправедливости и зла. Успех этого движения, несмотря на то, что оно жестоко подавлялось, убедил Ганди в том, что такая форма движения более всего подходит для Индии с ее особыми условиями, и он видел, что такой метод борьбы является наиболее гуманным.

Один великодушный друг предложил ему около двухсот акров земли для организации своего рода сельскохозяйственной коммуны. Вдохновленный учением Толстого, Ганди назвал эту коммуну «Толстовской фермой». Все обитатели этой фермы занимались различными ремеслами, никто не пользовался какими-либо привилегиями. На Толстовской ферме Ганди открыл школу (Ашрам) по типу школы в Ясной Поляне и начал проводить там на практике идеи профессионального обучения, воспринятые им у своего учителя. Позднее он положил эти идеи в основу своей знаменитой системы народного просвещения Вардха. Таким образом, учение Толстого еще раз указало путь к перестройке нашей системы просвещения, на которое англичане смотрели только с точки зрения получения клерков для своей административной машины, а отнюдь не с точки зрения воспитания полезных и активных членов общества.

Ганди начал переписываться с Толстым как раз в то время, когда в Южной Африке возникло движение «сатьяграха». Он хотел заручиться моральной поддержкой и сочувствием великого русского писателя к угнетенным народам Индии и Африки в их движении ненасильственного сопротивления.

Толстой охотно ответил на письмо Ганди, и это положило начало длительной переписке этих двух великих людей. Страстные слова Толстого, проникнутые глубоким сочувствием, поддерживали народы Индии и Южной Африки в их справедливых требованиях и еще больше вдохновляли Ганди, а через него и весь индийский народ на борьбу за свои права. Толстого можно справедливо назвать руководителем народно-освободительной борьбы индийцев.

Не менее велико влияние Толстого и на развитие современной индийской литературы. Это влияние можно проследить в новом реалистическом течении, которое начало намечаться в индийской прозе начала XX века.

Передовое, реалистическое творчество Толстого наложило свой отпечаток на прозаические произведения великого поэта Индии — Рабиндраната Тагора, с которым Толстой также вел переписку. В романах Тагора «Чар-Адхайя» и «Гора» влияние Толстого чувствуется особенно сильно. Романы и рассказы другого выдающегося индийского писателя, Шоротчондро Чоттопадхая, также носят следы влияния Толстого, главным образом его романа «Анна Каренина». Все литературное направление и реализм Прем Чанда также находилось под сильным влиянием Толстого. Это влияние можно проследить и теперь во всех значительных произведениях прогрессивных писателей нового поколения всех основных литературных языков Индии — тех писателей, которые стремятся отображать индийскую действительность критически и правдиво.

Интересно отметить, что Ганди был первым, кто познакомил индийских читателей с произведениями Толстого на их родном языке. Ганди перевел на язык гуджерати два известных рассказа Толстого — «Иван-дурак» и «Много ли человеку земли нужно». С тех пор рассказы и повести Толстого часто переводились на все языки Индии. Прем Чанд в 1924 году перевел «народные сказки» Толстого, так напоминавшие ему сказания Упанишад.

Но качество переводов на индийские языки не было удовлетворительным, из-за этого многие крупные произведения великого русского писателя остались неизвестными для большей части читателей. Произведения Толстого всё еще изучают в переводах на английский язык, да и то это доступно только части нашей интеллигенции. Хорошие переводы на индийские языки являются редкостью, и далеко не все крупные произведения Толстого переводились. Не было серьезных попыток перевести такие произведения, как «Война и мир» и «Анна Каренина». Я помню, это было давно, один издатель выпустил перевод «Анны Карениной» на язык хинди в сильно сокращенном виде. Не говоря уже о преступном искажении этого великого произведения, литературное качество этого перевода было ужасно. Недавно Издательство на иностранных языках в Москве выпустило перевод на хинди романа Толстого «Воскресение», и я должен с прискорбием заметить, что литературные качества этого перевода не держивают никакой критики, как и большинства других переводов на хинди, выпущенных этим издательством. Так печально обстоит дело с переводами Толстого на мой родной язык хинди; насколько мне известно, не лучше обстоит дело и с переводами на другие индийские языки. В этом печальном положении повинны не только переводчики, но и издатели. Издатели в Индии избегают выпускать переводы многих произведений мировой литературы, если это толстые книги, требующие больших средств. Индийская Академия литературы, стараясь восполнить этот

пробел, предприняла перевод на различные языки Индии романа «Война и мир», самого значительного произведения мировой классики. Кто знает, будет ли этот роман достойно переведен на язык хинди, лично я очень в этом сомневаюсь. Чтобы переводить таких гениев, как Шекспир и Толстой, на должном литературном уровне, недостаточно хорошего знания иностранного языка, хотя это тоже очень важно. Совершенно необходимо, чтобы переводчик был в состоянии в той же художественной манере выразить на своем родном языке мысли и образы художественного произведения, которое он переводит. Переводчик должен понимать и сознавать всю ответственность своей работы. Поэтому мне кажется, что только зрелые писатели могут исправить существующее положение с переводами и передать бессмертные произведения Толстого в истинно художественной форме. Но опять же стоит трудная проблема с изданием переводов. Чтобы найти выход из этого порочного круга, я предложил год назад создать специальный комитет в Индии, состоящий из десяти самых опытных литераторов, пишущих на языке хинди, для того чтобы перевести на хинди наиболее важные из произведений Толстого — выпустить собрание его романов, пьес и рассказов. Позднее этот комитет может расширить свою деятельность и привлечь к работе писателей других литератур Индии, с тем чтобы перевести произведения Толстого и на другие индийские языки. Это весьма реальный план, при условии, если Издательство на иностранных языках в Москве доверит комитету эту важную работу, а не будет полагаться, как обычно, на своих не всегда достаточно квалифицированных переводчиков и редакторов, которые слишком свободно обращаются с произведением. Поэтому необходимо провести указанные мероприятия и сделать великие произведения Толстого доступными для широких масс индийского народа.

Заканчивая свое выступление, мне бы хотелось сообщить вам, что Толстовский комитет в Индии, возглавляемый заслуженным писателем и публицистом Банарасидас Чатурведи, который является другом Советского Союза и горячим почитателем Толстого, проводит в эти торжественные дни ряд общественных мероприятий. Господин Чатурведи также просил меня сообщить вам, что на торжественном митинге 21 ноября в Дели, посвященном памяти великого русского писателя, выступит премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Господин Чатурведи также сообщает, что он направил письмо премьер-министру, в котором просит его оказать содействие в создании в Дели Дома Толстого, который должен стать культурным центром и способствовать дальнейшему расширению дружественных и культурных связей между нашими двумя великими народами.

Я уверен, что и вы поддержите это своевременное предложение и ваша ценная помощь поможет господину Чатурведи провести в жизнь эту идею. Толстой — зеркало русской революции и вдохновитель нашей революции — является также крепкой связью нерушимой дружбы наших народов в их совместной борьбе за мир и прогресс человечества.

Разрешите мне также преподнести Институту мировой литературы имени Горького переводы на хинди нескольких произведений великих русских классиков, которые мы — моя жена, г-жа Чаухан, и я, — издали в Индии.

Кроме произведений Пушкина, Достоевского, Тургенева, Чехова и М. Горького, здесь есть замечательная повесть Толстого.

Вместе с этим подарком я хочу выразить мое глубокое уважение великой русской литературе, гением которой был Толстой.